

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Плохов

ПРЯЖКА «ВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА» ИЗ ПОСЕЛКА ЛЮБЫТИНО В СРЕДНЕМ ПОМОСТЬЕ

В краеведческом музее п. Любытино Новгородской области хранятся два предмета раннесредневековой ременной гарнитуры: пряжка и щиток от пряжки¹ (рис. 1: 1). Эти находки происходят из депаспортизованной археологической коллекции бывшего школьного музея, собранной в окрестностях поселка, и точное место их обнаружения остается неизвестным. В учетных карточках, заполненных школьным учителем А. Н. Кобиясовым, говорится, что данные вещи были найдены в 1964 г. на поле у д. Николаевка. Вблизи этой деревни, расположенной в 4 км северо-восточнее Любытино, известны многочисленные сопочные и курганные насыпи², и интересующие нас предметы вполне могли происходить из распаханых погребальных сооружений.

Однако упоминание о пряжке и щитке, а также их рисунки, имеются в заметке упомянутого учителя в Любытинской районной газете «Колхозная искра» от 02.12.1960 г. Из неё следует, что летом и осенью этого года учащиеся поселковой школы «совершили ряд походов с целью дальнейшего изучения прошлого и настоящего» района, в ходе которых они «имели возможность лучше познакомиться» с «новгородскими сопками», «курганами IX–X вв.» и жальниками. При этом, в ряде мест «ребята» провели раскопки, давшие «ряд ценных находок», позволяющих «лучше узнать материальную культуру ильменских славян». Интересующий нас щиток отмечен среди погребального инвентаря одного из курганов, а пряжка упомянута в числе прочих «интересных находок». Таким образом, предметы ременной гарнитуры происходят из несанкционированных, непрофессиональных раскопок школьников во главе с учителем курганов в окрестностях Любытина в 1960 г. При этом остается не ясным, найдены ли они в одном или разных местах, и каком конкретно могильнике.

¹ Любытинский краеведческий музей, КП–22 и 23. Благодарю директора Любытинского краеведческого музея А. Ю. Иванова за предоставленную информацию о находках.

² Носов Е. Н., Конецкий В. Я., Иванов А. Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России (Итоги и перспективы изучения) // У истоков Новгородской земли (Любытинский археологический сборник, вып. 1). Любытино, 2002. С. 5–66.

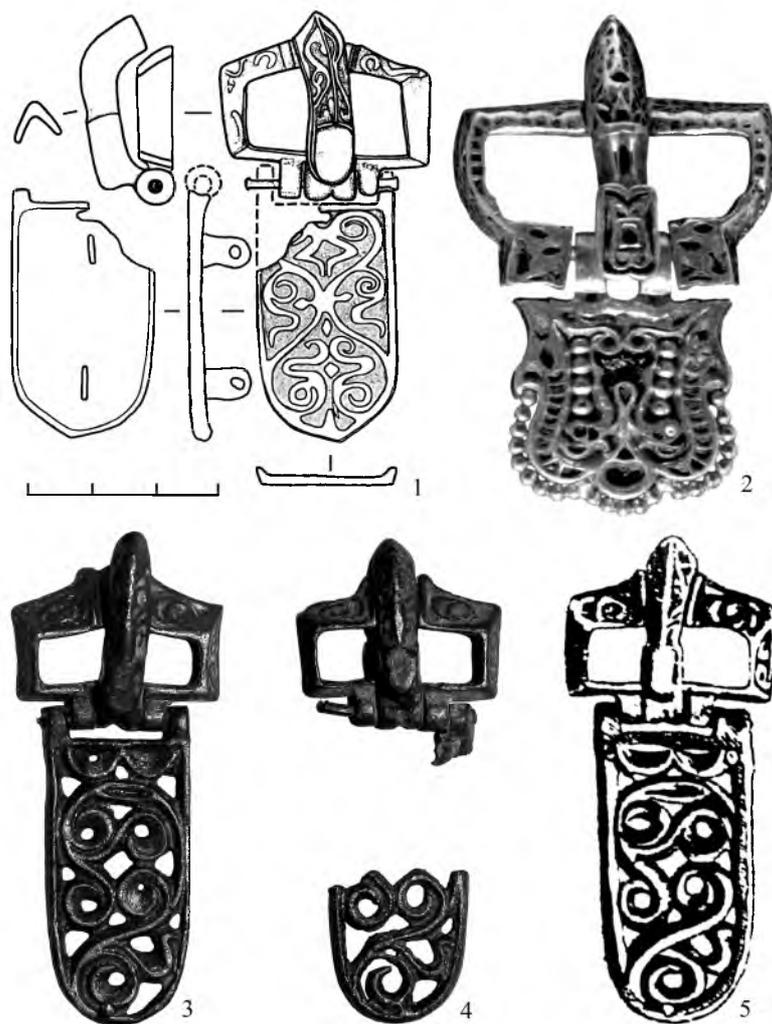

Рис. 1. Поясные пряжки: 1 – Любытино; 2 – Кунбабонь; 3, 4 – Броды
(© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2017); 5 – Новинки I

Нельзя сказать, что данные вещи не привлекали внимания исследователей. Пряжка впервые была описана Д. Л. Яблоником, который отнес её к древностям неволинской культуры Прикамья³. Позднее обе находки были отмечены в статье В. Я. Конецкого и Е. Н. Носова, по-

³ Яблоник Д. Л. О поясном наборе из сонки в урочище Победище // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тезисы науч. конф. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 58.

священной Бельскому (Любытинскому) археологическому комплексу. В этой работе были опубликованы схематичные рисунки предметов, указаны прикамские аналогии пряжке, а щиток ошибочно интерпретирован как наконечник ремня⁴. В дальнейшем, этот предмет анализировался в двух статьях К. А. Михайлова. Первоначально он отнес его к изделиям византийской торевтики⁵. Впоследствии ученый уточнил свою атрибуцию, посчитав, что обойма принадлежала «раннесалтовской» пряжке типа «Тепсень»⁶, при этом «любытинская» пряжка его внимание не привлекла. Поскольку с большой вероятностью обе находки в древности составляли единый предмет, необходимо вновь обратиться к их рассмотрению.

Бронзовая литая пряжка из Среднего Помостья имеет подпрямоугольную рамку с несколько выступающей передней частью и ограничителем для язычка. Последний – массивный, полый, трехгранный в сечении, с гладким подовальным в плане выступом-ограничителем у основания. Кроме язычка к рамке в древности с помощью подвижного шарнирного соединения был прикреплен щиток. Он представляет собой пластину прямоугольной формы с округло-приостренным («килевидным») концом длиной около 4,2 см, шириной 2,2 см и бортиком по краям высотой около 0,25 см. На оборотной стороне располагаются отлитые вместе со щитком две петли («стойки-ушки»), с помощью которых пряжка соединялась с кожаным ремнём. Лицевая и боковые стороны рамки, язычок и щиток украшены литым рельефным растительным декором. На щитке орнамент представляет симметричную по вертикали композицию, состоящую из изгибающихся, образующих две сердцевидные фигуры стеблей, с мелкими завитками («усиками»). По контуру она ограничена низким плоским бортиком. Следует отметить, что пряжка частично оплавлена. Не сохранился также фрагмент щитка с петлями шарнирного соединения. Это свидетельствует в пользу предположения о происхождении данных предметов поясной гарнитуры из погребения, совершенного по обряду трупосожжения.

Для находки из окрестностей Любытина известен довольно ограниченный круг аналогий. В объемном своде поясных пряжек Евразии IV–IX вв., созданном В. Б. Ковалевской, изделия в большей или меньшей степени похожие на неё отнесены к типу 3 отдела VI. Он состоит

⁴ *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Проблемы истории Северо-Запада Руси (Славяно-русские древности, вып. 3). СПб., 1995. С. 47, рис. 3: 10, 19.

⁵ *Михайлов К. А.* Византийские поясные пряжки в северных русских землях // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 23–23 декабря 1996 г.): материалы к чтениям. СПб., 1996. С. 31, рис. 3.

⁶ *Михайлов К. А.* Находки раннесалтовской поясной гарнитуры в Новгородской области // У истоков Новгородской земли (Любытинский археологический сборник, вып. 1). Любытино, 2002. С. 69, рис. 4.

всего из четырех, различающихся по ряду признаков «прямоугольно-рамчатых» пряжек с полуovalным щитком⁷. Среди зафиксированных исследовательницей экземпляров наиболее близка «любытинской» находке бронзовая пряжка из Бродовского могильника, расположенного в бассейне р. Сылва в Прикамье (рис. 1: 4)⁸. Из того же могильника происходит ещё одна, идентичная деталь ременного набора (рис. 1: 3)⁹,

⁷ Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки (Свод археологических источников, вып. Е1–2). М., 1979. С. 44.

⁸ Там же. Табл. XXI: 7. В публикации В. Б. Ковалевской представлен не совсем точный рисунок пряжки. От сломанного щитка сохранились только одна из петель, а также около половины пластины с округлым концом. Не полностью соответствует оригиналу и представленный на рисунке орнамент пряжки. В настоящее время этот предмет ременной гарнитуры хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), коллекция 565/50, 54. По инвентарным данным он отнесен к материалам из раскопок в 1901 г. Н. Н. Новокрепленных могильника у д. Броды. Однако её изображение есть на одной из фотографий планшетов с находками, найденными этим исследователем на памятнике в 1899 г. (*Новокрепленных Н. Н.* Об археологических розысканиях в Пермской губ. // Научный архив ИИМК РАН, рукописный отдел, Ф. 1. 1899 г. Д. № 2. Л. 48; фотоотдел, нег. III 7548). Эти вещи были присланы в императорскую Археологическую комиссию и сфотографированы И. Ф. Чистяковым в 1900 г. При этом в «Журнале раскопок Бродовского могильника на р. Шакве, около Кунгура» за 1899 г. информация об интересующей нас пряжке отсутствует, хотя в нем даны описания всех вскрытых захоронений и имеются рисунки почти всего найденного инвентаря из цветных металлов (*Новокрепленных Н. Н.* Об археологических розысканиях ... Л. 15–32, 35). Скорее всего, она, относится к случайным находкам. Это предположение подтверждается тем, что в отличие от других планшетов, где вещи с памятника размещены по комплексам, на фотографии с данной пряжкой представлены только отдельные предметы, каждый со своим номером, причем пряжка и обломок щитка находятся в разных его частях. К тому же на снимке имеются находки из других мест. В 1898 г. А. А. Спицын писал, что площадь могильника Броды распаханна, а на пашне находят «кости и при них различные металлические вещи», небольшое «собрание» которых было передано Н. Н. Новокрепленным одним их крестьян (*Спицын А. А.* Об археологических розысканиях в губерниях: Вятской, Уфимской, Казанской и Пермской // Научный архив ИИМК РАН, рукописный отдел, Ф. 1. 1898 г. Д. № 63. Л. 62 об.).

⁹ Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, коллекция 565/375. В отличие от предыдущего экземпляра, это совершенно целая пряжка, на язычке которой сохранилась круглая накладка – ограничитель регулировочного отверстия в ремне. По мнению Р. С. Минасяна и Е. А. Шаблавиной, оба экземпляра изготовлены по одному металлическому шаблону. Благодарю их за консультацию, а Е. А. Шаблаvinу также за помощь при работе с коллекцией.

Следует отметить, что изображения обеих пряжек имеются на таблицах, подготовленных для второго, так и не опубликованного А. А. Спицыным, выпуска «Древностей бассейнов рек Оки и Камы» (Научный архив ИИМК РАН, рукописный отдел, Р–VII. Д. 85, 91). Часть оригинальных рисунков с этих таблиц, в том числе и интересующие нас изделия, представлены в статье Р. Д. Голдиной 2012 г. без ссылки на их происхождение (*Голдина Р. Д.* О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – IX в.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция: материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск, 2012. Табл. 43: 12, 14).

впервые опубликованная в монографии Р. Д. Голдиной и Н. В. Водолаго, посвященной памятникам неволинской культуры¹⁰. Эта пряжка происходит из погребения, раскопанного инженером-технологом Н. Н. Новокрещенным в 1899 г.¹¹ От «любытинской» находки эти изделия отличаются округлым концом щитков, а также декором последних. Украшающий их орнамент представляет несимметричную по вертикали растительную композицию из побега с завитками¹². Для соединения пряжек с ремнем использовались не петли, а шпеньки¹³.

Ещё одна «прямоугольнорамчатая» пряжка зафиксирована в «жертвенном комплексе» кургана 7 Новинковского I могильника на Самарской Луке (рис. 1: 5), относящегося к памятникам новинковского типа¹⁴. Очевидно, что эта вещь является полной копией прикамских находок, хотя, к сожалению, рисунок в публикации не дает полного представления об её морфологии.

¹⁰ Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. С. 79, табл. XXVI: 30.

¹¹ Новокрещенных Н. Н. Об археологических розысканиях ... Л. 15, 26, 47. Погребение зафиксировано на участке 83. Кости захороненного «как будто были вырыты и вновь сложены» – видимо, результат обряда обезвреживания погребенного, который широко представлен в неволинской культуре (Перевозчикова С. А. Обряд обезвреживания погребенных по материалам могильников неволинской культуры // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы междунар. конф., 6–10 октября 2003 г. Пермь, 2003. С. 213–215). При скелете было зафиксировано значительное количество находок (рис. 2). Некоторые из них в неволинской культуре характерны для женских погребений. В поясной набор, кроме пряжки, входили наконечник ремня и накладки (Новокрещенных Н. Н. Об археологических розысканиях ... Л. 26, 47; Научный архив ИИМК РАН, фотоотдел, нег. III 7499).

¹² В. Б. Ковалевской была отмечена довольно близкая аналогия подобной орнаментации на щитке «овальнорамчатой» пряжки из Суук-Су. По данным исследовательницы, такой узор «из завитков, оканчивающихся круглым листком», широко распространён на памятниках VIII в. Подунавья, что может, по её мнению, свидетельствовать о связях с аварами (Ковалевская В. Б. Поясные наборы ... С. 22, 44, табл. VI: 9).

Очень похожий декор представлен также на наконечниках ремней из погребения 165 Крюково-Кужновского и погребения 237 Второго Старобадиковского могильников (Иванов П. П. Крюково-Кужновский могильник: материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. Моршанск, 1952. Табл. XXXI: 7; Петербургский П. М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск, 2011. Рис. 191: 16).

¹³ У пряжки с участка 83 могильника Броды один из трех шпеньков не отлился, и в проделанное рядом отверстие был вставлен штифт.

¹⁴ Сташенков Д. А. Половозрастная стратификация новинковского населения (по материалам украшений костюма) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 2: Материалы III Международной археологической конференции. Самара, 2001. Рис. 8; Сташенков Д. А. О хронологическом соотношении двух памятников раннеболгарского времени в Среднем Поволжье // Проблеми на прабългарската история и култура, т. 4–1. София. Сборник в памет на ст. н. с. I ст. д. и. н. Димитър Ил. Димитров. Доклади от Петата международна среща по прабългарска история и археология (Варна, 22–24.04.2004 г.). София, 2007. Рис. 7: 11.

Более далекая аналогия «любытинской» пряжке происходит из погребения «знатного война» аланского катакомбного могильника VI–IX вв. в с. Архон в Северной Осетии (рис. 3: 1)¹⁵. Это бронзовое позолоченное массивное изделие со скругленными углами в задней части рамки щиток которого украшен не растительным орнаментом, а заключенным в овалный медальон изображением двух птиц, клюющих виноград¹⁶.

Рис. 2. Находки из погребения на участке 83 могильника Броды с фотографии И. Ф. Чистякова в 1900 г.

Кроме уже упомянутых, в раннесредневековых древностях Восточной Европы, нам известно ещё пять пряжек, менее похожих на находку из Среднего Помостья. Они происходят из погребения 3 кургана

¹⁵ Погребение 1 катакомбы 6 (Сокровища Алании. М., 2011. С. 25, 172, № 212; Шестопалова Э. Ю. Отчет о раскопках Архонского катакомбного могильника в Алагирском районе РСО – Алания в 1997 году. Владикавказ, 1998 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22130, 22131. Л. 15, 30–31, рис. 29: 37). Благодарю А. В. Комара за указание северокавказских аналогий.

¹⁶ Аналогичная композиция представлена и на концевой накладке ножен из того же погребения (Сокровища Алании. С. 173, № 213; Шестопалова Э. Ю. Отчет о раскопках... Л. 15, 29, рис. 29: 33).

5 Малорязанского и погребения 4 кургана 14¹⁷ Бруснянского II могильников (Среднее Поволжье) (рис. 3: 4, 5)¹⁸, из могилы 255 из некрополя у с. Лучистое (Крым) (рис. 3: 3)¹⁹, погребения 2 кургана 5 Подгорненского V могильника (Нижнее Подонье) (рис. 3: 6)²⁰, а также из случайной находки с грунтового могильника у хут. Ново-Вочепший в Адыгее (рис. 3: 2)²¹. В отличие от предмета, найденного в Помостье, это цельнолитые псевдосферические изделия (рамка и щиток отлиты как единое целое), со скругленными углами ближней к щитку части рамки, а также с небольшим полуовальным орнаментированным щитком, соединенным с ремнем шпеньками²².

¹⁷ В разных местах коллективной монографии Р. С. Багаутдинова, А. В. Богачева, С. Э. Зубова пряжка отнесена то к 4, то к 5 погребениям этого кургана (ср.: *Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. С. 85, 92, 200, рис. 15: 6; табл. XLIV: 6).

¹⁸ Там же. С. 85–86, 88, 92, 200, 208, рис. 14: 7, 8; 15: 2, 6, табл. XLIV: 6; LXIV: 1; *Богачев А. В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв.: учеб. пособие к спецкурсу. Самара, 1998. Рис. 13: 11, 32; *Богачев А. В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н. э. Историко-археологическое исследование. Saarbrücken, 2011. С. 257, рис. 69: 11, 32; *Богачев А. В., Французов Д. А.* Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII – начало X в. Самара, 2012. С. 109, рис. 35: 7, 8; 36: 2, 6, табл. XIX: 1; LXIII: 3; *Комар А. В.* К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)*. Самара, 2010. С. 179, рис. 2: 3; *Матвеева Г. И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. С. 70, рис. 121: 3; *Матвеева Г. И., Богачев А. В.* Памятники раннеболгарского времени // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье*. М., 2000. С. 163, табл. 7: 11, 32.

А. В. Богачев отнес эти пряжки к подтипу (варианту) Г1а (*Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Праболгары ... С. 92), а Г. И. Матвеева к I типу II отдела (*Матвеева Г. И.* Могильники ранних болгар ... С. 70).

¹⁹ *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов (Боспорские исследования, Supplementum 4). Симферополь; Керчь, 2008. С. 65, рис. 32: 2. Эта пряжка отнесена к варианту I–8 по типологии крымских салтовских поясных наборов, по А. И. Айбабину.

²⁰ *Иванов А. А.* Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма)*. Т. 2: Материалы III Международной археологической конференции. Самара, 2001. С. 120, рис. 2: 4; *Иванов А. А., Копылов В. П., Науменко С. А.* Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала // *Донская археология*. № 1 (6). Ростов-на-Дону, 2000. С. 84, рис. 2: 4.

²¹ *Носкова Л. М.* К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // *Материальная культура Востока*. Вып. 3. М., 2002. Рис. 6: 2; I Tesori dei Kurgani del Caucaso settentrionale: Nuove scoperte degli archeology sovietici nell'Adygeja e nell'Ossezia settentrionale. Roma, 1990. P. 65, cat. 323. Две последних пряжки выполнены из серебра.

²² О креплении можно говорить только для находок из Самарской Луки и Нижнего Подонья.

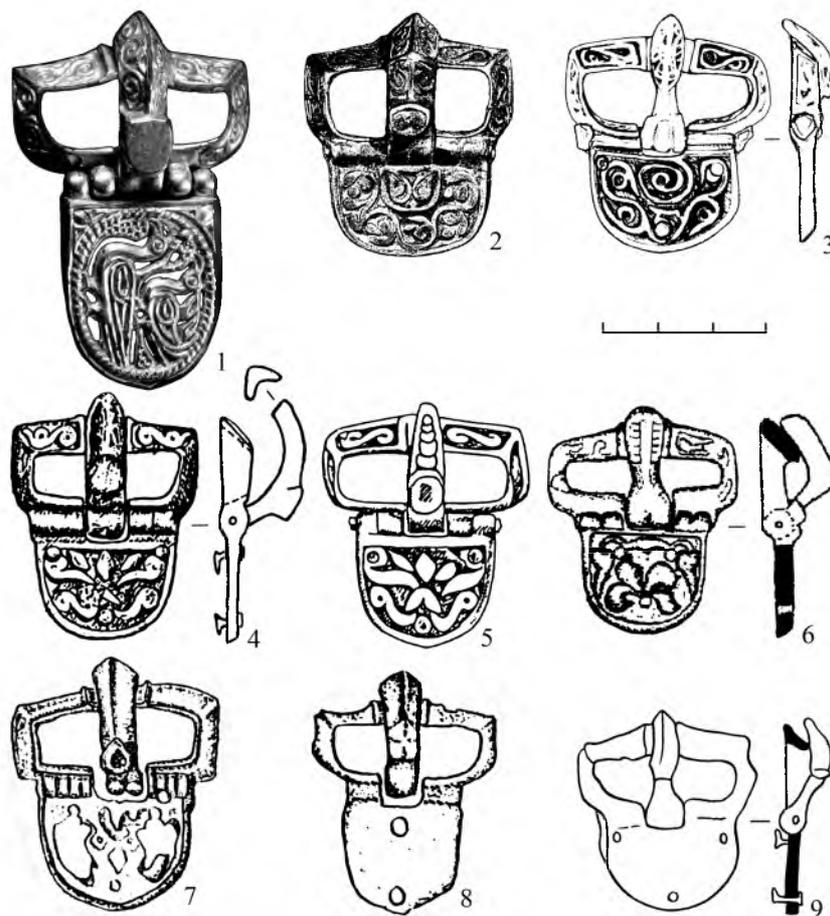

Рис. 3. Поясные пряжки: 1 – Архон; 2 – Ново-Вочепший;
3 – Лучистое, 4 – Малая Рязань; 5 – Брюсяны II; 6 – Подгорное V;
7, 8 – Скалистое; 9 – Старокорсунская

Более отдаленными аналогиями рассматриваемой нами находке являются три схожих по форме рамки цельнолитых пряжки с коротким щитком из склепов 436 и 767 Скалистинского (Крым) (рис. 3: 7, 8)²³,

²³ Айбабин А. И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. Рис. 2: 14; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии и этнографии Таврии. Вып. I. Симферополь, 1990. Рис. 46: 29; Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993. Рис. 77: 23; 119: 4. В работе 1990 г. А. И. Айбабин отнес находку из склепа 436 к 4 варианту I типа пряжек с трапециевидной и прямоугольной рамкой, а в монографии 1993 г. к

а также из погребения 42 Старокорсунского (Прикубанье) (рис. 3: 9)²⁴ могильников.

В своде В. Б. Ковалевской щитки, близкие экземпляру из окрестностей Любытина по форме и способу скрепления с рамкой, представлены не только у «прямоугольнорамчатых» пряжек, но и у некоторых изделий других типов: «овальнорамчатых» типа 7 (подтипов 5, 7, 9, 10), «лировидных» типа 2 и «треугольных» типа 2²⁵.

Декоративная композиция, украшающая щиток находки из Среднего Помостья, своеобразна и не имеет полных аналогий. К. А. Михайлов посчитал, что этот орнамент похож на узор, называемый «растрёпанная пальметта», представленный на наборных поясах ряда северопричерноморских кочевнических комплексов, относимых к «горизонту Вознесенки»²⁶.

В раннем средневековье в Евразии растительная орнаментация в виде извивающегося побега имела широкое распространение как у земледельческих, так и кочевых народов, в том числе и у древних тюрков²⁷. Значительно реже встречаются композиции из фигур в форме сердца, образованные побегами. Такие узоры, более или менее схожие с декором на щитке «любытинской» пряжки, можно увидеть на деталях раннесредневековой литой ременной гарнитуры на территории от Крыма и Северного Кавказа до Прикамья, от Венгрии и Болгарии до Средней Азии (рис. 4; 5)²⁸.

IV типу пряжек «салтовского круга» (*Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма ... С. 48; *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. С. 175).

²⁴ *Каминский В. Н.* Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // Советская археология. 1987. № 4. Рис. 5: 25; *Комар А. В.* Горизонт Столбище – Старокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры // *Finno-Ugrica*. № 1. Казань, 2000. Рис. 1: 15.

²⁵ *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы ... С. 20–22, 33, табл. IV: 12, 14; V: 8, 9; VI: 3–6, 8, 9; VII: 1–3, 5; XV: 1, 2; XVI: 21, 24.

²⁶ *Михайлов К. А.* Находки ... С. 69.

²⁷ *Кубарев Г. В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. С. 128–130.

²⁸ *Айбабин А. И.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // Материалы по археологии и этнографии Таврии Вып. III. Симферополь. 1993. Рис. 2: 12; 8: 3; *Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Праболгары ... Рис. 17: 4, 8; 18: 22; XXXIX: 3; LXIV: 3; *Волков С., Пастушенко И.* Исследования Усть-Иргинского могильника неволинской культуры // *Finno-Ugrica*. 2005–2006. № 9. Казань, 2006. Табл. 6: 17; *Голдина Р. Д., Водолаго Н. В.* Могильники ... Табл. XXVI: 19; XXXIV: 31, 32, 34, 40; LXVIII: 56; *Иванов А. А., Копылов В. П., Науменко С. А.* Поясные наборы ... Рис. 3: 25; *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы ... табл. VI: 4; XI: 11; XV: 2; *Комар А. В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita Antiqua*. № 2. Київ, 1999. Табл. 2: 2, 6; 3: 101, 103, 109, 111, 113, 115; *Комар А. В.* Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма)* Т. 2: материалы III Международной археологической конференции. Самара, 2001. Рис. 1: 52; 2: 22, 57; 3: 23, 24, 56, 57; *Магомедов М. Г.* Образование хазарского каганата (по материалам археологиче-

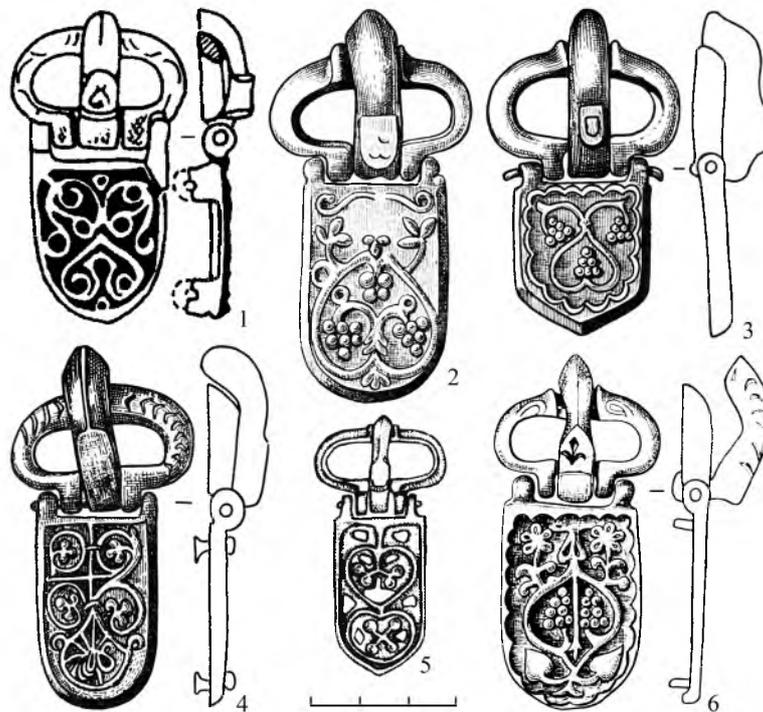

Рис. 4. Поясные пряжки: 1 – Верхний Чирюрт; 2 – Рутха; 3 – Керчь;
4 – Крюково-Кужновский; 5 – Эски-Кермен; 6 – Бакла

ских исследований и письменным данным). М., 1983. Рис. 24: 21; *Матвеева Г. И.* Могильники ранних болгар ... Рис. 59: 4, 6; 122: 3, 22, 25; *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М. 1989. Рис. 86; *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. Рис. 64: 7; *Рашиев Р.* Българската езическа култура VII–IX век. София, 2008. Обр. 52, таб. LXV: 4, 8; *Семенов В. А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980. Табл. XIV: 14; *Симонова Е. Н.* Новые археологические исследования аварской эпохи в области Шомодь // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. Рис. 4: 103; *Станюлов С.* Художественият метал на българското ханство на Дунав (VII–IX в.). Опит за емпирично изследване. София, 2006. Обр. 1; 2: 1, 2; 7; *Daim F.* „Byzantinische“ Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Die Awaren am Rande der byzantinischen Welt. Studien zu Diplomatie, Handel und Technologietransfer im Frühmittelalter (Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie, 7). Innsbruck, 2000. Abb. 17; 18; *Fiedler U.* Die spätawarenzeitlichen Gürtelbestadteile von Typ Vrap-Erseke aus Velino (Bez. Varna, Bulgarien) // *Germania*, 74.1. Mainz am Rhein. 1996. Abb. 1; *Goldina E. V.* Gürtelteile mit Pflanzenornamenten aus dem Kamagebiet // *Awarenforschungen*, Bd. 1 (Studien zur Archäologie der Awaren 4; *Archaeologia Austriaca – Monographien*, Bd. 1). Wien, 1992. Taf. 1: 6–8; 2: 1–3.

Отметим, что украшенный сердцевидными мотивами ремешковой наконечник найден в том же захоронении могильника Броды, что и упомянутая выше пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 2: 5: 1).

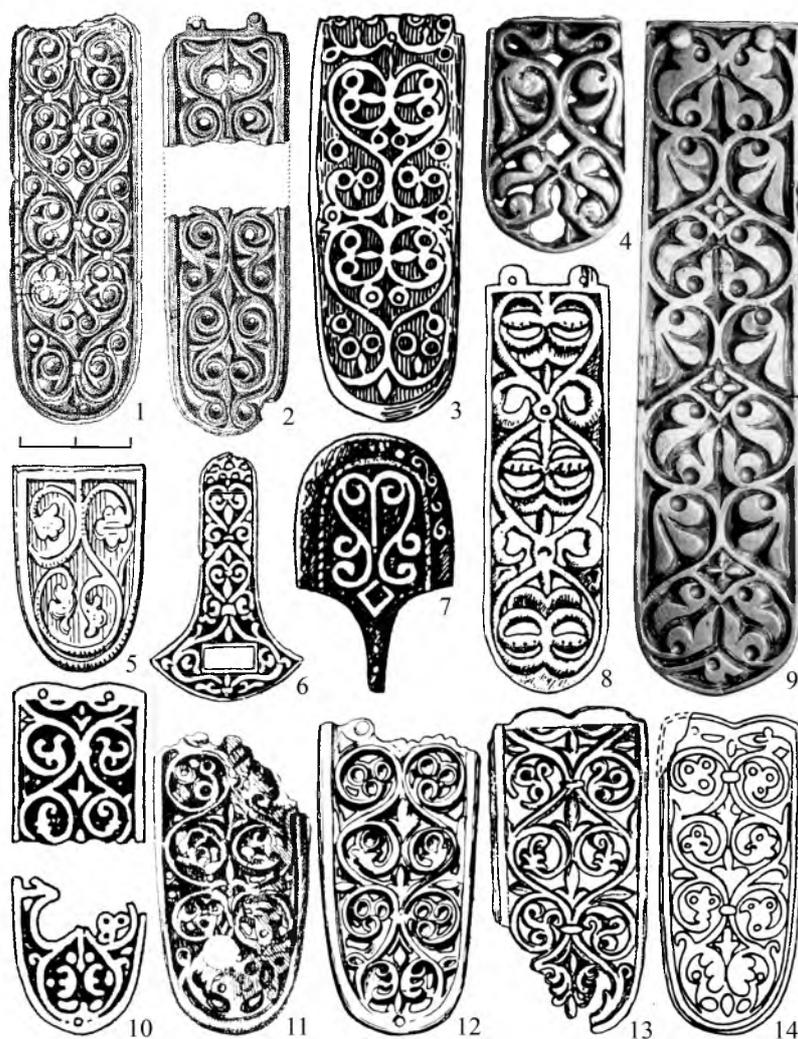

Рис. 5. Детали поясной гарнитуры: 1, 2 – Броды; 3 – Дмитриевка;
 4 – Каменово; 5 – Самаркандский музей; 6 – Романовская I;
 7 – Брюсяны II; 8 – Малая Рязань; 9 – Велино; 10 – Новинки II;
 11 – Усть-Иргино; 12, 13 – Верхняя Сая; 14 – Варни

Е. В. Голдина, проанализировав найденные на памятниках Прикамья детали поясной гарнитуры с растительным орнаментом, по особенностям декора выделила шесть групп. Наконечники ремней, с наиболее

близким «любытинскому» щитку узором, состоящим из двух тонких, симметрично расположенных побегов растений, связанных в точках соприкосновения друг с другом, с «многочисленными мелкими листьями», оформленными в виде пальметт или трех круглых лопастей с центральными отверстиями (рис. 5: 1, 2, 12–14), были отнесены ею ко второй группе. Отметив широкое распространение элементов этого декора в искусстве многих народов, исследовательница посчитала, что наибольшее разнообразие и сходство с мотивами на прикамских предметах имеют орнаментальные композиции Средней Азии. Украшенная виноградной лозой пряжка из Бродовского могильника причислена Е. В. Голдиной к пятой группе. Внешний вид этого предмета, по её мнению, ближе других элементов поясов Приуралья к аварским находкам²⁹.

Украинский археолог А. В. Комар, рассмотрев орнаментальные мотивы «раннесалтовских» поясных наборов, выделил четыре основных композиции: первая состоит из симметричных по вертикали и горизонтали пальметтообразных завитков³⁰; вторую «составляют растительные стебли» с виноградом (1 вариант) или без него (2 вариант), «которые, извиваясь, образуют сердцевидные фигуры»; третья организована несимметрично извивающимися, создающими петли стеблями; а в последнюю, четвертую входят различные варианты геометрических узоров. Если первую самую раннюю композицию исследователь считает по происхождению хазарской³¹, то три остальные, по его мне-

²⁹ Goldina E. V. Gürtelteile ... S. 498–499.

³⁰ В частности, подобную композицию А. В. Комар увидел в стилизованном растительном орнаменте на пряжке из кургана 82 Верхнечирюртовского могильника в Дагестане (Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты ... С. 121, табл. 2: 6; Комар А. В. Происхождение поясных наборов ... С. 110–111, рис. 1: 9, 10). Такая атрибуция вызывает возражение, поскольку на щитке пряжки явственно видна сердцевидная фигура (рис. 4: 1). Декор пряжки довольно близок узору накладки из Каменова (Северо-Восточная Болгария) (рис. 5: 4). Аналогии ему можно найти также в орнаментах, украшающих пластинки шкатулки из Перещепинского комплекса (Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоякова Н. А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997. С. 122, 284, кат. 16) и живописную панель одного из помещений древнего Пенджикента (Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. Рис. 16).

³¹ Некоторые европейские ученые подобный декор, украшающий поясную гарнитуру типа «Михельдорф – Скалистое», отнесли к византийским орнаментам (Daim F. „Byzantinische“ Gürtelgarnituren ... S. 107; Szenthe G. Randerscheinungen einer Randkultur. Awarische Männerrepräsentation und mediterraner Einfluss in Randgebieten des Karpatenbeckens (erste Hälfte 8. J.h. N. Chr.) // Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin. Cluj-Napoca. 2015. S. 240). В. Б. Ковалевская полагала, что пальметтообразная орнаментация на восточноевропейских пряжках, «восходит к античному аканфу», и считала найденные в Крыму изделия с таким узором, «византийским импортом или, скорее, продукцией местного производства, находившегося под западным влиянием» (Ковалевская В. Б. Поясные наборы ... С. 22). К византийским причислила мотив пальметты на деталях поясной гарнитуры Прикамья Е. В. Голдина (Голди-

нию, «явно связаны с Крымом»³². Таким образом, по систематизации А. В. Комара, декор пряжки из Среднего Помостья следует отнести ко 2 варианту второй, а наиболее близкие ей находки из могильников Броды и Новинки I к третьей композициям, имеющим византийское происхождение.

Болгарские исследователи Б. Тотев и О. Л. Пелевина, исходя из орнаментики, причислили пряжки из Бродов и Новинок к типу «Врап – Ерсек»³³, названому по кладам, найденным в горах Албании. Ременные наконечники этого типа из Велино и Каменово в Северо-Восточной Болгарии имеют декор, похожий на узор щитка «любытинской» пряжки (рис. 5: 4, 9). В богато украшенных элитарных наборных поясах типа «Врап – Ерсек» Б. Тотев и О. Л. Пелевина увидели начало формирования нового, специфично балкано-дунайского стиля, включающего «элементы, формы и сюжеты степной и византийской традиций»³⁴. В своих работах они неоднократно высказывали идею об «определяющем влиянии тюрко-согдийского стиля» тисненых, штампованных украшений круга Малой Перещепины и Вознесенки на орнаменту деталей литых поясов с «перевязанной пальметтой» и типа «Врап – Ерсек»³⁵. Появление в Дунайском бассейне гарнитуры, декорированной

на Е. В., Голдина Р. Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) // Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2010. Т. 6. С. 165, 191; *Goldina E. V. Gürtelteile ...* S. 498.

³² *Комар А. В.* Происхождение поясных наборов ... С. 110–111.

³³ *Тотев Б., Пелевина О.* Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских Болгар // Античная древность и средние века, вып. 36: материалы XII Международных научных Сюзюмовских чтений (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2005. С. 90, рис. 7.

³⁴ *Тотев Б., Пелевина О.* Сокровище из Малой Перещепины и элитарная культура болгар Нижнего Дуная // Форум «Идель – Алтай»: материалы науч.-практ. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань) (Археология евразийских степей, вып. 13). Казань, 2011. С. 181; *Тотев Б., Пелевина О.* Сокровища из Врапа (Албания) и аристократические погребения болгар Нижнего Дуная // Болгарский форум I: материалы Международного Болгарского форума, 19–21 июня 2010 г., Болгар [Археология евразийских степей, вып. 12]. Казань, 2011. С. 217.

³⁵ *Тотев Б., Пелевина О.* Новые данные ... С. 89–91; *Тотев Б., Пелевина О.* Сокровище из Малой Перещепины ... С. 181.

Следует упомянуть, что о достаточно ясных следах «перещепинского стиля» на ручке ковша, бляшках и пряжках из Врапа, а также на литой аварской поясной гарнитуре VIII в. «с орнаментом в виде лозы», десятилетиями ранее писал Б. И. Маршак. Прототипом нехарактерного для кочевников стилизованного растительного узора ученый считал орнамент «оседлых областей Средней Азии» и выделял в «перещепинском типе» «тюрко-согдийские» элементы (*Маршак Б. И., Скалон К. М.* Перещепинский клад (к выставке «Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии»). Л., 1972. С. 16–19; *Marschak B.* Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3. – 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Leipzig, 1986. S. 326–329, 341). На изделиях согдийских мастеров и в

сходными мотивами, было связано учеными с «традицией, принесенной болгарскими племенами и репродуцированной византийцами и аварами»³⁶.

Большое внимание орнаментальному «грифонно-лозовому» стилю (стиль «грифони – ластари», «Greifen – Ranken – Stil»), украшающему детали поясных наборов албанских кладов и ряд болгарских находок, уделил С. Станилов³⁷. Рассматривая истоки этого стиля, исследователь указал на доминирование в его растительных орнаментах «Востока», на непосредственное влияние художественного металла Средней Азии, а также на некоторые заимствования из византийского декоративного искусства. По его предположению, этот стиль в 70-х годах VII в. был «придуман» неизвестным мастером, работавшем при дворе Кубера, – предводителя болгар, переселившихся из Северного Причерноморья в Среднее Подунавье после разгрома Великой Болгарии, и вассала аварского хана. В дальнейшем «грифонно-лозовой» стиль продолжил существование и развитие в Паннонии, в ювелирных мастерских при дворах болгарских ханов в Македонии, куда после восстания против авар мигрировали болгары Кубера, а также в Нижнем Подунавье, где обосновались болгары Аспаруха.

Гипотезы о производстве украшений типа «Врап – Ерсике» в мастерских болгарских ханов придерживаются и другие ученые Болгарии³⁸. Б. Тотев и О. Л. Пелевина в качестве аргументов такой локализации «ателье» указали на особенности технологии изготовления, способа крепления, декора, конструкции, функционального предназначения деталей гарнитуры «болгарского типа», отличающие их от изделий византийского производства. Они отметили распространение этих находок за пределами «фактической Византийской территории», а также наличие идентичных поясов только в «аристократических погребениях дунайских болгар»³⁹.

древностях перещепинской культуры нашел прототипы орнамента в виде пальметт, украшающего детали ременной гарнитуры из некоторых погребений Крыма, А. И. Айбабин (*Айбабин А. И. Погребения ...* С. 178–180).

³⁶ Тотев Б., Пелевина О. Новые данные ... С. 89, 91.

³⁷ Станилов С. Художественният метал на българското ханство на Дунав (VII–IX в.). Опит за емпирично изследване. София, 2006. С. 90–157.

³⁸ Атанасов Г. Първостроителите на Българската държава (619–721): Органа, Кубрат, Аспарух, Тервел. София, 2015. С. 137–138, 266; Атанасов Г., Венелинова С., Стойчев С. Ранносредновековен некропол в Шумен (квартал Дивдядово) // Археология, год. XLVIII, кн. 1–4. София, С. 62–64; Инкова М. Аристократи и войни. Сребъните колани на българите VII–VIII век // Известия на Националния исторически музей, т. XXVIII. София, 2016. С. 603–610.

³⁹ Тотев Б., Пелевина О. Сокровища из Врапа ... С. 217; Тотев Б., Пелевина О. Съкровището от Врап и елинарната култура на дунавските българи // Археология, год. LI, кн. 2. София, 2011. С. 41–49; Тотев Б., Пелевина О. Клад из Врапа (Албания) и аристократическите пояса дунайских болгар // Степи Европы в эпоху средневековья, т. 9.

Наиболее полное и детальное исследование клада из Врапа принадлежит немецкому ученому Й. Вернеру⁴⁰. Проанализировав все его элементы, он пришел к заключению, что заказчиком и владельцем выполненных из драгоценных металлов наборных поясов на территории распространения изделий «грифонно-лозовой» группы может быть только аварский каган. Исследователь полагал, что на юг, на Балканы, сокровища попали вместе с Кубером, который захватил их у аварского правителя во время победоносных сражений в Паннонии. Наличие в кладах изношенных деталей и полуфабрикатов доказывает, по мнению Й. Вернера, существование при аварском дворе ювелирной мастерской⁴¹. Ученый предположил, что по поручению кагана в этой мастерской из золота и серебра были изготовлены вещи в новом стиле, а также созданы стандартизованные образцы, по которым для аварских воинов была отлита бронзовая поясная гарнитура «грифонно-лозовой» группы. В декоре и конструктивно-технических особенностях предметов этой группы он увидел зависимость от традиций декоративно-прикладного искусства Византии. Й. Вернер считал, что в мастерской при дворе аварского кагана работали ремесленники, которые не только имели «византийский опыт», но и были византийцами по происхождению⁴².

О византийском происхождении поясных наборов типа «Врап – Ерсике» в последние десятилетия писали многие европейские исследователи аварских древностей⁴³. В частности как продукт византийских

Хазарское время (Труды по археологии). Донецк, 2012. С. 348–358. В работе 2005 г. только часть находок элементов украшения пояса, представленных на территории Болгарии, исследователи считали изготовленными в этом регионе (Totev B., Pelyavina O. Новые данные ... С. 91).

В недавней совместной работе с венгерскими учеными Б. Тотев и О. Л. Пелевина, рассмотрев коллекцию раннесредневековых металлических предметов из Северо-Западной Болгарии, сходных с группой «Врап – Ерсике», пришли к заключению, что элитарная культура, представленная кладом из Врапа, хоть и обнаружена в Болгарии, но не может считаться широко распространенным явлением (Csiky G., Langó P., Pelyavina O., Patay-Horváth A., Totev B., Türk A. Finds related to the Vrap – Erseke-group from the Stara Bulgaria Collection (Varna) // Hadak Útján XIV. A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom, 2014. November 4–6. 2. kötet. Budapest – Esztergom, 2017. P. 170).

⁴⁰ Werner J. Der Schatzfund von Vrap in Albanien (Studien zur Archäologie der Awaren, Bd. 2). Wien, 1986.

⁴¹ Ebd. S. 16–23, 66–69. О том, что поясная гарнитура типа «Врап – Ерсике (Эрзеке)» изготавливалась в мастерских в пределах территории, заселенной аварами, писал также австрийский ученый П. Штадлер (Штадлер П. Аргументы в пользу подлинности «Аварского сокровища» // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 37; Stadler P. Argumente für die Echtheit des "Avar Treasure" // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Bd. CXVIII/CXIX (1988/1989). Horn – Wien, 1991. S. 202).

⁴² Werner J. Der Schatzfund ... S. 37–68.

⁴³ Fiedler U. Die spätawarenzeitlichen Gürtelbestandteile ... S. 262–264; Kiss G. A késői avar aranyozott övdíszek // A népvándorlások fiatal kutatói 5. találkozásának előadásai

мастеров рассматривал поясную garnитуру из Врапа австрийский ученый Ф. Дайм. Он отметил её сходство с более поздними византийскими типами. По мнению исследователя, вещи из данногоклада связаны с нападением на расположенный недалеко от места его находки византийский анклав вокруг г. Диррахий, разграблением богатого дома, возможно, даже «резиденции» архонта, церкви и ювелирной мастерской⁴⁴. Ф. Дайм предположил, что пояса из Врапа могли изготавливаться в византийской мастерской в качестве дипломатического подарка или дани варварскому (славянскому или болгарскому) князю⁴⁵.

Венгерский ученый Г. Сенте, сравнив древности горизонта «Врап – Велино» с аварскими материалами Карпатского бассейна, пришел к выводу о том, что художественным источником данной поясной garnитуры являлась провинциально-византийская культура. На Балканах относящиеся к элите владельцы поясов могли получить их непосредственно из Византии, но большинство деталей, по мнению исследователя, производилось на месте. Он считал, что возможно вещи из врапскогоклада изготовлены в г. Диррахий, а болгарские находки – в районе Нижнего Дуная⁴⁶.

Итак, рассматривая истоки растительного декора на раннесредневековой литой поясной garnитуре, ученые пишут об определяющей роли в его возникновении культур Византии или Средней Азии. На предметах декоративно-прикладного искусства этих регионов известны и

(1994 szeptember 27–29. Szenna) (Somodyi Múzeumok Közleményei, XI). Kaposvár, 1995. P. 101–102.

⁴⁴ Несколько раньше похожее предположение о происхождении вещей из албанских кладов высказал немецкий археолог У. Фидлер (*Fiedler U. Die spätaurenezeitlichen Gürtelbestandteile ... S. 262–263*).

⁴⁵ *Daim F. „Byzantinische“ Gürtelgarnituren ... S. 106–107, 187–190; ibid. Byzantine belts and Avar birds. Diplomacy, trade and cultural transfer in the eighth century // The Transformation of Frontiers from Late Antiquity to the Carolingians (The Transformation of the Roman world, 10). Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 155–160.* Ф. Дайм признавал уязвимость идеи о расположении ювелирной мастерской, изготавливающей подарки для варварских князей, в г. Диррахий из-за наличия в кладе из Врапа не только полуфабрикатов, но и сильно изношенных составных частей пояса (*Daim F. „Byzantinische“ Gürtelgarnituren ... S. 107*). В работе 2006 г. он констатировал, что однозначно определить местоположение мастерской невозможно. По его мнению, она могла работать как в Диррахии, обслуживая византийцев и производя наборные пояса для дипломатических целей, так и находиться за пределами границ Империи (*Daim F. Vrap // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, Bd. 32. Berlin; New York, 2006. S. 650–651*).

⁴⁶ *Szente G. Contributions to the Connections of the Vrap – Velino Horizon and the Late Avar Material // Avars, Bulgars and Magyars on the Middle and Lower Danube. Proceedings of the Bulgarian-Hungarian Meeting, Sofia, May 27–28, 2009. София – Piliscsaba, 2014. P. 61.* В работе 2008 г. У. Фидлер также предположил, что некоторые из поясных наборов могли быть сделаны в Болгарии (*Fiedler U. Bulgars in the Lower Danube region. A survey of the archaeological evidence and of the state of current research // East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 2. The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars and Cumans. Leiden; Boston, 2008. P. 220*).

сердцевидные мотивы, образованные побегами⁴⁷. Очевидно, что именно от оседлых земледельческих народов данный орнамент «попал» на восточноевропейские наборные пояса⁴⁸. На части деталей поясной гарнитуры с сердцевидным декором растения выглядят более натуралистично, чем на щитке из Среднего Помостья. Узор состоит не только из стебля с усиками, но также включает изображения листьев и виноградных гроздьев, что сближает их с византийскими и согдийскими орнаментами. В дальнейшем эта «южная» композиция была адаптирована к вкусам кочевников, и на «раннесалтовских» поясах появился упрощенный, стилизованный орнамент, который, видимо, следует отнести уже к «хазарскому» варианту растительного декора⁴⁹.

Для определения времени бытования пряжки из Среднего Помостья обратимся к датировкам, предложенным учеными для указанных выше аналогий этому изделию.

В соответствии с созданной Р. Д. Голдиной культурно-стратиграфической схемой раннесредневековых древностей Приуралья, погребения с интересующими нас пряжками, а также наконечниками ремней, украшенными сердцевидными узорами, относятся к неволинской стадии неволинской культуры и весьякарской стадии полемской культуры. По разработанной исследователем хронологии погребальных комплексов эти стадии датируются концом VII–VIII в., «возможно, без его последней четверти»⁵⁰. Исследовав взаимовстречаемость вещей в погре-

⁴⁷ Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX–XII веков. Очерки (Культура народов Востока. Материалы и исследования). М., 1978. Рис. 16: 1–3, 5; 17: 4, 7; Вороница В. Л. Архитектурный орнамент ... Рис. 16; 27; Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976. Рис. 10: 1, 2; табл. 10.

⁴⁸ На наш взгляд, на современном уровне исследований невозможно однозначно говорить только о византийском или среднеазиатском вкладе в генезис сердцевидного, а также других мотивов, украшающих детали раннесредневековой поясной гарнитуры. Видимо, следует принять идею австрийского археолога Ч. Балинта, поддержанную венгерской исследовательницей Е. Гарам при рассмотрении ею вопроса о происхождении «грифонно-лозового» стиля, по которой воззрение „Восток или Рим“ должно быть заменено на „Восток и Рим“ (*Bálint C. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe. Das Grab von Üç Tepe (Sowj. Azerbajdžan) und der beschlagverzierte Gürtel im 6. und 7. Jahrhundert // Awarenforschungen, Bd. 1 (Studien zur Archäologie der Awaren 4; Archaeologia Austriaca – Monographien, Bd. 1). Wien, 1992. S. 422; Garam É. Über den Schatzfund von Vrap (Albanien) // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, T. XLIX. Budapest, 1997. S. 26, 32).*

⁴⁹ А. В. Комар назвал такой декор, состоящий из частых мелких завитков без листьев и цветов, «облегченным» стилем Эрзеке (Ерсеке) (*Комар А. В. К дискуссии ... С. 184).*

⁵⁰ Голдина Р. Д. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 179–180, 183, рис. 8; Голдина Р. Д. О датировке полемской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 20, рис. 5; 7; Голдина Р. Д. О датировке полемской культуры // Древности Прикамья эпохи железа

бениях Верх-Саинского могильника неволинской культуры, ижевские археологи предварительно выделили на памятнике комплексы, относящиеся к первой и второй половинам VIII в. В результате проведенного анализа, захоронения с поясной гарнитурой, украшенной изображением пальметты или виноградной лозы, были причислены ко второй хронологической группе⁵¹.

В работе 1992 г., посвященной методике хронологического анализа поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья, А. В. Богачев причислил пряжки с «прямоугольной» рамкой из II Брусаянского и Малорязанского могильников к «брусаяновскому» хронологическому этапу эволюции поясных наборов этого региона. Опираясь на хронологическую шкалу, разработанную Р. Д. Голдиной для Верхнекамских древностей, исследователь датировал этот этап концом VII – первой половиной VIII в.⁵² Позднее, руководствуясь крымскими⁵³ и кубанскими аналогия-

(VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция [Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, т. 25]. Ижевск, 2012. С. 402, рис. 6; 8; *Голдина Р. Д., Водолаго Н. В.* Хронология погребальных комплексов неволинской культуры // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1982. С. 127–128, рис. 1; *Голдина Р. Д., Водолаго Н. В.* Могильники ... С. 93–94, табл. LXVIII.

Временные рамки неволинской стадии были несколько скорректированы в работах Р. Д. Голдиной 2012 г. и ограничены «рубежом VII–VIII вв. и 70–80 гг. VIII в.» или «VIII в., вероятно, без последней четверти» (*Голдина Р. Д.* Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье [Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, т. 21]. Ижевск, 2012. С. 55, 65, 90, *Голдина Р. Д.* О датировке и хронологии ... С. 221, 225).

⁵¹ *Голдина Р. Д.* О датировке и хронологии ... С. 216–217, табл. 30; *Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А.* О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н. э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция [Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, т. 25]. Ижевск, 2012. С. 325–327, 332, табл. 7–9.

⁵² *Богачев А. В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992. С. 159–160, рис. 29. Из книги А. В. Богачева остается не ясным, на чем основана верхняя хронологическая граница брусаяновского этапа, поскольку Деменковский этап ломоватовской культуры, в работах Р. Д. Голдиной, на которые ссылается автор, датируется концом VII – VIII в. (*Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья (Краткие сообщения Института археологии, вып. 158). М., 1979. С. 83, рис. 1; *Голдина Р. Д., Королева О. П., Макаров Л. Д.* Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 43, 51, рис. 6).

Этим временем со ссылкой на работу А. В. Богачева датирована и упомянутая нами выше пряжка из кургана 5 могильника Подгородненский V (*Иванов А. А., Копылов В. П., Науменко С. А.* Поясные наборы ... С. 88).

⁵³ А. В. Богачев сослался на пряжку из склепа 767 Скалистинского могильника. При этом ученый ошибочно посчитал, что она отнесена А. И. Айбабиным ко 2-му подтипу пряжек «Коринф», бытовавших в Крыму во второй половине VIII – IX в. (см.: *Айбабин А. И.* Погребения ... С. 172, 174; *Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Пра-

ми, он отнес интересующие нас детали поясного набора ко второй половине VIII в.⁵⁴

В 1997 г. Г. И. Матвеева в книге «Могильники ранних болгар на Самарской Луке» причислила погребения 3 кургана 5 Малорязанского могильника, в котором была найдена пряжка с «трапециевидной» рамкой, к самой поздней, третьей хронологической группе захоронений в могильниках новинковского типа (вторая половина VIII в.). Выделение этой группы основано на наличии в погребальных комплексах сероглиняной гончарной керамики «салтовского типа». Поскольку такая посуда «появляется в середине VIII в.», то и комплексы с ней, по мнению исследовательницы, «не могут быть датированы ранее» этого времени⁵⁵.

Рассматривая «раннесалтовские» поясные наборы, А. В. Комар отнес пряжки с трапециевидной рамкой из малорязанского и брусянского могильников к варианту 1 (с подвижным щитком), а находки из склепа 767 Скалистинского и из погребения 42 Старокорсунского некрополей к варианту 2 (с неподвижным щитком) типа «Кунбабонь»⁵⁶. Он считает их «поздними дериватами» византийских изделий, наиболее известным из которых является большая пряжка из одноименного аварского комплекса (рис. 1: 2). Определяя хронологические рамки поясных

болгары ... С. 162). В работе 1982 г. крымского исследователя этот склеп датирован серединой VIII в., а в 1993 г. – включен в группу комплексов второй половины VIII столетия (*Айбабин А. И.* Погребения ... С. 184; *Айбабин А. И.* Могильники ... С. 124, 126, рис. 2). Пряжки с прямоугольной рамкой из могилы 255 Лучистинского и склепа 436 Скалистинского некрополей соотнесены А. И. Айбабиным с салтовскими изделиями, причем первый комплекс датирован второй половиной VIII в., а второй – второй половиной VIII – IX в. (*Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник ... С. 65, 67, рис. 32; *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. С. 175, 197–198).

⁵⁴ *Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Праболгары ... С. 165; *Богачев А. В.* Кочевники ... С. 78; *Богачев А. В.* Украшения в системе хронологии праболгарских древностей новинковского типа // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма): тезисы докладов III Международной археологической конференции, 14–18 марта 2000 г. Самара, 2000. С. 13; *Богачев А. В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. н. э. // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 203; *Богачев А. В.* Славяне ... С. 290.

⁵⁵ *Матвеева Г. И.* Могильники ранних болгар ... С. 84, 88.

Датировку новинковских комплексов на основе «керамики салтовского типа» оспорил В. С. Флёров. По мнению ученого, Г. И. Матвеевой на имеющемся у неё в распоряжении материале не удалось найти верхнюю дату памятников этого типа. «Ведущая к ней нить обрывается где-то в середине VIII в.» (*Флёров В. С.* [Рец. на кн.] Г. И. Матвеева. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 104 с., 129 илл. // Российская археология. М., 1999. № 3. С. 231).

⁵⁶ *Комар А. В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты ... С. 125; *Комар А. В.* Происхождение поясных наборов ... С. 106. В статье 2010 варианты не выделяются (*Комар А. В.* К дискуссии ... С. 185), поскольку все эти пряжки имеют неподвижный щиток.

В работе 2000 г. А. В. Комар отнес две последние пряжки к варианту 2 типа «Старокорсунская» (*Комар А. В.* Горизонт Столбище – Старокорсунская ... С. 48).

деталей «раннесалтовского» типа, А. В. Комар констатировал, что древнейшие из них происходят из погребений горизонта «Галиат – Геленовка», датированного 725–740 гг.⁵⁷, а с 790 г., в захоронениях «классического» салтовского горизонта II, они уже не представлены⁵⁸. В работе 1999 г. три погребальных комплекса Среднего Поволжья и Прикубанья с пряжками типа «Кунбабонь» включены ученым в «подэтап 1б» горизонта I («Столбище-Старокорсунская») развития салтово-маяцкой культуры, отнесенный к 745–770 гг.⁵⁹ В исследовании 2006 г. периодизация была несколько изменена, и эти захоронения, а также «ритуальный комплекс» кургана 7 Новинок I, причислены ко второй из трех фаз «раннесалтовского» горизонта, при этом, «нижний абсолютный рубеж погребений» данной фазы сдвинут к 751 г.⁶⁰ Детальный анализ хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья был проделан ученым в работе 2010 г.⁶¹ В этом исследовании пояса из Бродовского могильника и жертвенного комплекса кургана 7

⁵⁷ А. В. Комар отмечает условность этих дат, которые «определяют лишь наиболее вероятный период совершения погребений» (*Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты ...* С. 132). В работе 2006 г. этот горизонт датирован 725–737 гг. (*Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5: Хазарское время: труды по археологии. Донецк, 2006. С. 238*). Появление «раннесалтовских» поясов в живой культуре, по мнению исследователя, произошло около 705–710 гг. (*Комар А. В. Происхождение поясных наборов ...* С. 105).

⁵⁸ *Комар А. В. Византийское влияние в поясных наборах хазарского круга // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма): тезисы докладов III Международной археологической конференции, 14–18 марта 2000 г. Самара, 2000. С. 75; Комар А. В. Происхождение поясных наборов ... С. 105, 112; Комар А. В. Перещепинский комплекс ... С. 119–121; Комар А. В. К дискуссии ... С. 188–189.*

⁵⁹ *Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты ...* С. 129, 132.

Согласно статье А. В. Комара 2000 г. пряжки из склепа 767 Скалистинского и из погребения 42 Старокорсунского могильников (вариант 2 типа «Старокорсунская») характерны для этапа Па горизонта «Столбище – Старокорсунская», датированного 740–765 гг. (*Комар А. В. Горизонт Столбище – Старокорсунская ...* С. 54, 57).

Видимо, к этому же горизонту следует отнести и пряжку из катакомбы 6 могильника у с. Архон. В поясной набор погребения 1, кроме этой пряжки, входят подковообразные накладки, украшенные повернутыми в разные стороны птичьими головами (Сокровища Алании. 2012: № 214с; рис. 35: 56; *Шестопалова Э. Ю. Отчет о раскопках Архонского катакомбного могильника ...* Л. 34, 37, рис. 31: 46, 47/1; 35: 56). Подковообразные бляшки считаются характерными для горизонта «Столбище – Старокорсунская» (*Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты ...* С. 126; *Комар А. В. Горизонт Столбище – Старокорсунская ...* С. 51). Близкая аналогия этим деталям ременной гарнитуры из Архона имеется в инвентаре погребения 139 Нетайловского могильника в бассейне Северского Донца (*Аксёнов В. С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 12. Київ; Харків. 2014. Рис. 1: 1*).

⁶⁰ *Комар А. В. Перещепинский комплекс ...* С. 121, 124. Как синхронные фазе 2 упомянуты и склепы 436 и 767 Скалистинского могильника.

⁶¹ *Комар А. В. К дискуссии ...* С. 169–206.

могильника Новинки I были отнесены к группе IIa, а гарнитуры из погребений 3 кургана 5 Малой Рязани, 4 кургана 14 Брусян II, 2 кургана 5 Подгорненского V и склепа 767 Скалистинского могильников к группе IIb⁶². Тщательно разобрав имеющиеся материалы, автор вынужден был признать, что «на данном этапе мы не располагаем достаточным количеством формализованных признаков для уверенного разделения комплексов фаз 2 и 3», и посчитал возможным «ограничиться разделением раннесалтовского горизонта только на две фазы». А. В. Комар отметил, что некоторые выделенные им группы поясных наборов, в том числе и IIb, «в той или иной степени граничат с новым переходным горизонтом I/II, отражающим формирование среднесалтовского комплекса материальной культуры»⁶³. В данной работе автор не дает в тексте датировки фазы 2. Её можно видеть только на схеме распределения кочевнических комплексов Среднего Поволжья VII–VIII вв. по выделенным хронологическим горизонтам⁶⁴. По этой схеме «наиболее вероятный диапазон времени формирования» фазы 2 «раннесалтовского» горизонта, к которой отнесены все комплексы с интересующими нас пряжками, ограничен концом 730-х – серединой 760-х гг., а период археологизации – серединой 740-х – серединой 770-х гг.⁶⁵ Верхнюю временную границу совершения погребений с предметами «раннесалтовского» облика исследователь условно относит к 780 г.⁶⁶

В первой половине 2000-х гг. к датировке и периодизации памятников новинковского типа обратился Н. А. Лифанов⁶⁷. Среди поясных наборов «брусяновского» этапа по особенностям конструкции и декора ученый выделил три группы. Согласно этой группировке, пряжка из «жертвенника» кургана 7 Новинки I была причислена к подгруппе б), а пряжки из погребений 4 кургана 14 Брусян II и 3 кургана 5 Малой Рязани I включены в подгруппу в) первой, «неволинской» группы поясов. На основании некоторых аналогий Н. А. Лифанов датировал эти изде-

⁶² Комар А. В. К дискуссии ... С. 184–185, рис. 5.

⁶³ Там же. С. 189.

⁶⁴ Там же. С. 191, рис. 6.

⁶⁵ Следует отметить определенные расхождения этих датировок фазы 2 с теми, что представлены в других статьях А. В. Комара, вышедших почти в то же время. В работе 2009 г. он ограничивал рамки данной фазы 751–770 гг. (Комар А. В. Курганы VIII в. у села Астахово // Степи Европы в эпоху средневековья Т. 7: Хазарское время: труды по археологии. Донецк, 2009. С. 307), а, согласно статье, опубликованной в 2011 г., археологизация её комплексов «в основном приходится на период 741–775 гг.» (Комар А. В., Стрельник М. А. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. № 5. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2011. С. 160).

⁶⁶ Комар А. В. К дискуссии ... С. 189.

⁶⁷ Лифанов Н. А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4: Хазарское время: труды по археологии. Донецк, 2005. С. 25–40.

лия «временем не ранее сер. VIII в.»⁶⁸ При помощи корреляции датированных материалов, главными из которых стали детали поясной гарнитуры и керамика, исследователь выделил четыре этапа существования памятников новинковского типа. Согласно проведенному автором исследованию, интересующие нас пряжки подгрупп *б)* и *в)* «неволинских» наборов были отнесены соответственно к III и IV этапам. Начало первого из них датировано 40-ми гг. VIII в., а второй, со свойственными ему гончарными сосудами, по предположению ученого, «соответствует последней четв. VIII в., возможно, включая и нач. IX в.»⁶⁹

И. О. Гавритухин, рассмотрев материалы из курганов с «квадратными ровиками» в междуречье Нижнего Дона и Волги, которые, как считается принадлежали хазарам, отнес комплексы с литой ременной гарнитурой, украшенной рельефным декором, ко 2-й и 3-й фазам развития этой культурной группы, предшествующим «классическим салтовским древностям». Погребение 2 из кургана 5 Подгорненского V могильника с интересующей нас пряжкой причислено исследователем к первой из них («горизонт Галиата – Романовской»). Однако, поскольку И. О. Гавритухин отметил, что для щитков пряжек 3 фазы («горизонт Саловского – Романовского») характерны более вытянутые пропорции, находку из Любытина скорее следует отнести именно к ней. Хронологические рамки 2 фазы ученый ограничил датами около 690/710 – 720/740 гг., а третьей – около 720/740 – 760/780 гг.⁷⁰

Время производства поясной гарнитуры типа «Врап – Ерсике / Велино» часть исследователей отнесла к концу среднеаварского – началу позднеаварского периодов – последним десятилетиям VII – началу VIII в.⁷¹ Другие ученые датируют её изготовление и использование первой третью / первой половиной VIII в.⁷² С. Станилов пришел к выводу о

⁶⁸ *Лифанов Н. А.* К вопросам периодизации... С. 26–27.

⁶⁹ Там же. С. 30–36.

⁷⁰ *Гавритухин И. О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы поясной гарнитуры) // *Хазары [Евреи и славяне, т. 16].* Ерусалим; М., 2005. С. 413–414, рис. 1; *Gavrituchin I.* Archaeological Heritage of the Avar Khaganate and the Southern Part of Eastern Europe. Periodisation, Dating and Synchronisation // *Antaeus*, 29–30. Budapest, 2008. P. 81, 85–86, fig. 26: 12–56; 27.

⁷¹ *Штадлер П.* Аргументы ... С. 35, 37; *Fiedler U.* Die spätaawarenzeitlichen Gürtelbestadteile ... S. 260; *ibid.* Bulgars ... P. 220; *Stadler P.* Argumente ... S. 200–201; *Werner J.* Der Schatzfund ... S. 19–23, 65–69.

⁷² *Дайм Ф.* История и археология авар // *Материалы по археологии, истории и этнографии*, вып. IX. Симферополь, 2002. С. 314; *Инкова М.* Аристократи ... С. 605–606; *Рашиев Р.* Българската езическа култура ... С. 157, таб. СХХ; *Тотев Б., Пелевина О.* Сокровище из Малой Перещепины ... С. 181–182; *Тотев Б., Пелевина О.* Сокровище из Врапа ... С. 213–214, рис. 12; *Тотев Б., Пелевина О.* Клад из Врапа ... С. 348; *Daim F.* „Byzantinische“ Gürtelgarnituren ... Abb. 112; *ibid.* Avars and Avar archaeology. An introduction // *Regna and Gentes. The Relationships Between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World.* Leiden; Boston, 2003. P. 510; *Garam É.* Über den Schatzfund ... S. 26, 32; *ibid.* The Vrap treasure // *From Attila to*

сокрытии сокровищ из албанских кладов в первой четверти VIII в., тогда как «грифонно-лозовой» стиль, по его мнению, являлся доминирующим в художественном металле всего языческого периода Первого болгарского царства⁷³. Ф. Дайм определил дату зарытия в землю клада из Врапа 740–750-ми гг.⁷⁴ Более поздним периодом – серединой – второй половиной VIII в. – исследователь ограничил время бытования принадлежащих к тому же кругу древностей ременных наконечников из Велино и Каменово⁷⁵. Первое из этих изделий, по предположению ученого, было сделано в 750–760-х гг.⁷⁶ Г. Сенте определил время существования горизонта «Врап – Велино» первой половиной VIII в., хотя наиболее поздние детали поясной гарнитуры (типа Велино) относятся, по его мнению, ко второй трети этого столетия. В аварских материалах Карпатского бассейна параллели поясным деталям данного горизонта по форме и декору, согласно наблюдениям ученого, имеют более широкую датировку – весь VIII в.⁷⁷

Итак, можно констатировать, что практически все исследователи датировали восточноевропейские находки поясной гарнитуры, близкие пряжке из Любытина, второй половиной VIII в. Некоторые ученые, основываясь на анализе археологических материалов, а также исходя из политических событий, известных по письменным источникам, отнесли нижнюю границу комплексов с интересующими нас предметами к 720–740-м гг., а верхнюю – к 760–780-м гг. Более ранним временем европейские исследователи датируют пояса типа «Врап – Ерсике», хотя ременные наконечники из Велино и Каменово, наиболее близкие по декору щитку из Среднего Помостья, по мнению Ф. Дайма, бытовали во второй половине VIII в. Имеющиеся данные склоняют нас к выводу о том, что наиболее вероятное время бытования пряжки из Среднего Помостья, а также поясов из Новинковского I и Бродовского могильников – 730–770-е гг.

Целый ряд черт конструкции пряжки из Среднего Помостья, – массивный язычок с площадкой-выступом на заднем конце, выступы-ограничители для язычка на рамке, крепление петлями, шарнирное соединение – считаются исследователями характерными для продукции византийских мастеров⁷⁸, что в сочетании с растительным «хазарским»

Charlemagne. Arts of the Early Medieval Period in the Metropolitan Museum of Art. New York. 2000. P. 173, 178.

⁷³ Станилов С. Художественият метал ... С. 134–142, 150.

⁷⁴ Daim F. Vrap. S. 648.

⁷⁵ Daim F. „Byzantinische“ Gürtelgarnituren ... S. 183–184, Abb. 112.

⁷⁶ Daim F. Vrap. S. 650.

⁷⁷ Szenthe G. Contributions ... P. 62–64.

⁷⁸ Ковалевская В. Б. Поясные наборы ... С. 22, 28, 36–37; Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты ... С. 117, 121, 123; Комар А. В. Горизонт Столбище – Старокорсунская ... С. 47; Комар А. В. Византийское влияние в поясных набо-

орнаментом свидетельствует в пользу её изготовления в крымской мастерской.

Появление в VIII в. в Восточной Европе своеобразных раннесредневековых стилей ременной гарнитуры литым рельефным декором стало, по мнению некоторых ученых, результатом интенсивных связей, взаимодействий византийской и «восточных», тюркских культур, объяснимых союзническими отношениями между Византией и Хазарским каганатом⁷⁹. Основной зоной их непосредственных контактов был Крым⁸⁰. Этот полуостров являлся, по мнению А. В. Комара, основным местом «возникновения и производства поясных наборов раннесалтовского типа». Здесь жили, обслуживающие хазар ремесленники, а кочевники являлись средой, благодаря которой их продукция распространилась на территории каганата и в соседних регионах⁸¹. Конечно, крым-

рах ... С. 74; *Комар А. В.* Происхождение поясных наборов ... С. 106–107, 111; *Комар А. В.* К дискуссии ... С. 180–181, 186; *Михайлов К. А.* Находки ... С. 69; *Zábojník J.* Zur Problematik der “byzantinischen” Gürtelbeschlüge aus Čataj, Slowakei // *Die Awaren am Rande der byzantinischen Welt. Studien zu Diplomatie, Handel und Technologietransfer im Frühmittelalter (Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie, 7).* Innsbruck, 2000. S. 332, 344.

⁷⁹ *Комар А. В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты ... С. 128, 131–132; *Комар А. В.* Происхождение поясных наборов ... С. 106, 112; *Комар А. В.* К дискуссии ... С. 189; *Gavrituchin I.* Archaeological Heritage ... P. 88–89.

По мнению И. О. Гавритухина, 720/740 – 760/780 гг. являлись одной из вершин развития мастерских, производящих литые поясные наборы для элиты Хазарского каганата (*ibid.* P. 81).

⁸⁰ Ряд исследователей считает, что после поражения в арабо-хазарской войне 722–737 гг. часть населения Хазарского каганата в середине VIII в. переселилась в Крым. Это нашло отражение в появлении на территории полуострова многочисленных «салтовских» памятников (*Айбабин А. И.* Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века [Археология]. М., 2003. С. 55–59; *Могаричев Ю. М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // Херсонесский сборник Вып. XIII. Севастополь, 2006. С. 163–168; *Могаричев Ю. М.* Крым в VIII–X вв. (проблема хазарского присутствия) // Болгарский форум I: материалы Международного Болгарского форума (19–21 июня 2010 г., Болгар) [Серия «Археология евразийских степей», вып. 12]. Казань. 2011. С. 169; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 142–145; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. // Проблемы истории, филологии, культуры, вып. XVI. М.: Магнитогорск, 2006. С. 196–199; *Чхидзе В. Н.* Фанагория в VI–X веках. М., 2012. С. 270).

Имеются также сведения о нахождении в 740–750-х гг. в Керчи ставки кагана Вирхора (*Комар А. В.* Перещепинский комплекс ... С. 236; *Комар А. В.* К дискуссии ... С. 189).

⁸¹ *Комар А. В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты ... С. 127–128; *Комар А. В.* Происхождение поясных наборов ... С. 112. В работе 2000 г. А. В. Комар считал возможным называть поясные наборы горизонта «Столбище – Старокорсунская» изделиями «хазарского» круга, «поскольку именно хазарской среде они обязаны и про-

ско-византийские мастерские не были единственными производителями «раннесалтовской» ременной гарнитуры. Очевидно, что подобную продукцию изготавливали и «местные», «салтовские» мастера, творчески перерабатывавшие инокультурные изделия и декоративные мотивы в соответствии с собственными производственными и орнаментальными традициями. Возможно, ювелирами Хазарского каганата были выполнены пряжки с прямоугольной рамкой из Бродовского и Новинковского I могильников. В поясной набор с последнего памятника наряду с пряжкой и шарнирной накладкой византийского облика вошли «восточнотюркские» прямоугольные бляшки с прорезью внизу, причем все элементы гарнитуры украшены одностильным растительным декором (рис. 6: 1).

Смену поясной гарнитуры «византийского» круга «новым ювелирным стилем, отражающим сильные восточные вкусы», прекращение массового притока византийских монет и появление арабских серебряных дирхемов на юге Восточной Европы, ученые связывают с охлаждением с начала 760-х гг. в отношениях между Византией и Хазарским каганатом⁸². В 780-х годах государства дошли до состояния открытого противостояния Крыму и на Кавказе⁸³, что не могло не сказаться на торгово-экономических и культурных связях.

Нельзя не отметить, что высказывались и другие идеи о происхождении восточноевропейских поясных наборов, украшенных рельефным растительным декором. А. И. Айбабин относил такие вещи к изделиям «уральского круга (типа)», основываясь, видимо, на значительном

исхождением и распространением на столь обширной территории» (Комар А. В. Горизонт Столбище – Старокорсунская ... С. 58).

⁸² Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты ... С. 132; Комар А. В. Византийское влияние ... С. 75; Комар А. В. Происхождение поясных наборов ... С. 112; Комар А. В. К дискуссии ... С. 186, 189; Виноградов А. Ю., Комар А. В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник Вып. II. Киев; Судак, 2005. С. 46; Круглов Е. В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах Т. 1. Харьков, 2002. С. 89–91; Gavrituchin I. Archaeological Heritage ... P. 81, 86.

⁸³ Айбабин А. И. Этническая история Крыма. Симферополь, 1999. С. 209–211; Айбабин А. И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века [Археология]. М., 2003. С. 62; Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Крыма ... С. 168–173; Могаричев Ю. М. Крым в VIII–X вв. ... С. 170; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского ... С. 200–205; Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры, вып. XII. М.; Магнитогорск, 2002. С. 544–546; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 151, 190–191.

количестве находок с территории Прикамья⁸⁴. По его мнению, к появлению моды на такие пояса в Крыму привело включение части полуострова, Мордовии и Приуралья в «сферу влияния Хазарского каганата»⁸⁵.

О «привозном характере» пряжек с пальметтами в Крыму и на Северном Кавказе писал И. А. Баранов. Он предположил, что местом их происхождения была Средняя Азия, откуда в VIII в. они попали к финно-уграм и тюркам Южной Сибири, Южного Урала и Поволжья. Появление поясных наборов, украшенных прорезным растительным орнаментом, в Крыму исследователь связал с «миграцией древневенгерских племен из Южного Приуралья и Средней Волги в Центральную Европу»⁸⁶.

Гипотезу о производстве деталей поясных наборов с декором в виде полупальметт так называемого «неволинского типа» в прикамских ремесленных центрах высказала В. Б. Ковалевская. По её наблюдениям, продукция приуральских мастеров поставлялась не только в соседние регионы, но также на Кавказ и в Крым⁸⁷.

О Прикамье как месте производства литой, украшенной растительными мотивами, поясной гарнитуры в последнее время пишет Р. Д. Голдина. Она полагает, что истоком подобного декора являлась скорее не Византия, а Средняя Азия, с которой у Приуралья в VI–VIII вв. были постоянные контакты. Отмечая многочисленность и разнообразие деталей поясных наборов, найденных при исследовании могильников неволинской культуры, исследовательница приходит к выводу о том, что именно регион Сырленского поречья являлся центром изготовления своеобразных бронзовых изделий, «в том числе и поясов неволинского типа» с растительными и зооморфными изображениями.

⁸⁴ В то же время основатель свердловской археологической школы В. Ф. Генинг считал, что «крупные пряжки, накладки и наконечники с орнаментом из завитков виноградных гроздьев» из могильников Прикамья были, несомненно, привозными, и, «возможно, византийского происхождения» (*Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья [Краткие сообщения Института археологии, вып. 158]. М., 1979. С. 102). В византийском искусстве видел корни узоров в виде лозы на поясной гарнитуре из района р. Кама Ч. Балинт (*Балинт Ч.* Введение в археологию авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 51).

⁸⁵ *Айбабин А. И.* Погребения ... С. 184; *Айбабин А. И.* Могильники ... С. 122, рис. 4; *Айбабин А. И.* Этническая история ... С. 200; *Айбабин А. И.* Степь ... С. 60–61.

⁸⁶ *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. С. 123; *Баранов И. А.* Население Крымской Хазарии // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 80.

⁸⁷ *Ковалевская В. Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии // Хронология Восточноевропейских древностей V–IX веков, вып. 2: Стекланные бусы и поясные наборы. М., 2000. С. 146–147.

По мнению Р. Д. Голдиной, в VIII в. местная школа бронзолитейщиков «достигла высочайшего уровня мастерства и создавала собственные новые сюжеты орнаментации бронзовых украшений, конечно, под влиянием искусства народов причерноморского региона, степей и стран Востока и, прежде всего, Средней Азии»⁸⁸. Она не считает правильным называть пояса с разнообразным рельефным декором хазарскими, поскольку хазары, по её представлениям, возможно, только распространяли изделия, полученные от мастеров-литейщиков Приуралья, в сопредельных областях⁸⁹.

Вклад приуральских мастеров в возникновение, развитие и распространение литых гарнитур разных стилей, распространившихся на территории Евразии на рубеже VII и VIII вв., изучен ещё явно не достаточно. Кроме поясов «собственно неволинского типа» с многочисленными накладками и дополнительными широкими кожаными ремнями-привесками, в Прикамье, очевидно, воспроизводились и части «восточнотюркской» («катандинской») поясной гарнитуры. Возможно, в этом регионе на основе сибирских неорнаментированных прототипов изготавливали оригинальные декорированные детали⁹⁰. Вполне вероятно, что в регионе Сырленского поречья отливались и отдельные элементы «раннесалтовских» поясных наборов⁹¹. Однако в Приуралье практиче-

⁸⁸ Голдина Р. Д. Неволинский могильник ... С. 67–68; Голдина Р. Д. О датировке и хронологии ... С. 221–223; Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А. О датировке ... С. 331.

⁸⁹ Голдина Р. Д. О датировке и хронологии ... С. 223. В частности, «услугами мастеров-металлургов Сырленского бассейна», по мнению Р. Д. Голдиной, пользовались ранние болгары, оставившие в Самарском Поволжье памятники новинковского типа, в погребениях которых «так много вещей, особенно деталей поясной гарнитуры неволинского облика» (Там же. С. 227).

⁹⁰ Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка ... С. 146. Хотя следует отметить, что пояса с бляхами-оправами, украшенными растительным узором, получили в VIII–IX вв. распространение и у тюркоязычных кочевников Южной Сибири и Центральной Азии (Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. С. 38–39, табл. XXVI: 2; XXVII: 4; XXVIII: 3, 4; XXIX: 1, 4; XXXII: 1; Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1981. С. 40, 42, рис. 19: 113, 114; 20: 46, 47; 23). Накладка, характерная для тюркской поясной гарнитуры, но с растительным декором, представлена в материалах Пенджикента. По мнению ученых, разнообразие форм деталей наборных поясов и «особый характер орнамента» на бляшках свидетельствует «о том, что их производство было, несомненно, освоено и развито в полной мере местными ремесленниками» в городах Средней Азии (Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 86, рис. 54; Распопова В. И. Металлические изделия ... С. 96–97, рис. 63: 7).

⁹¹ В частности, такими изделиями, видимо, являются наконечники ремней, у которых нет отверстий в находящейся вверху полукруглых петельках (ушках) (Голдина Р. Д. Неволинский могильник ... Табл. 185; Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники ... Табл. XXXIV). Отсутствие отверстий в ушках говорит об утрате ими своего функционального предназначения – прикрепления наконечников при помощи штифтов к концам поясов, и показывает вторичность прикамских находок по сравнению с византийскими

ски отсутствуют целые гарнитуры этого типа⁹². В погребениях встречаются лишь отдельные детали с растительным декором, причем, они часто входят в состав сборных поясов, в которых механически объединены элементы различного происхождения⁹³.

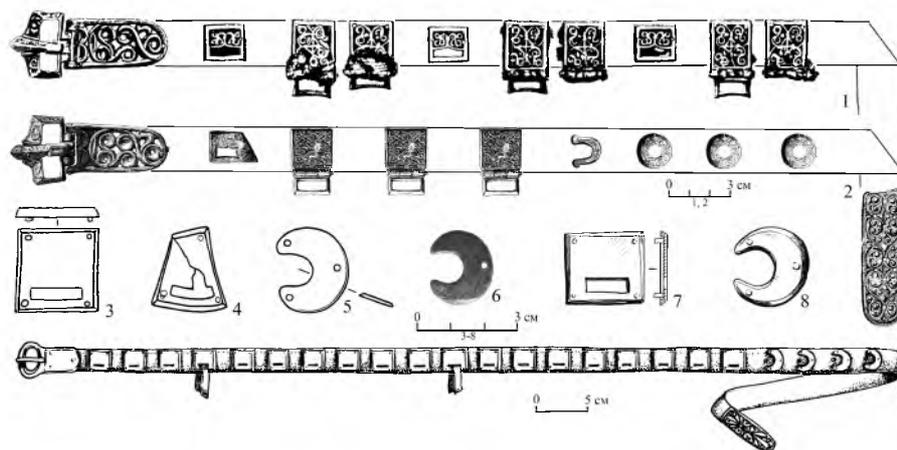

Рис. 6. Реконструкция поясов (1 – Новинки I, к. 7, «жертвенный комплекс»; 2 – Броды, погребение на уч. 83; 9 – Неволино, погр. 191) и ременные накладки (3–5 – Прость; 6 – Ванино; 7, 8 – Неволино, погр. 191)

Как уже отмечал А. В. Комар, основной ареал распространения «раннесалтовских» поясов находится в пределах границ Хазарского каганата⁹⁴. Именно из погребений кочевников происходят целые поясные наборы этого типа, в том числе выполненные не из бронзы, как почти все детали гарнитур Прикамья, а из серебра⁹⁵. Показательна разница между комплектами металлических элементов, украшавших пояса с

образцами (*Daim F.* „Byzantinische“ Gürtelgarnituren ... Abb. 30; 36; 37; 68–70; 72, 74–78; 81; 82, 84; 100–103).

⁹² Единственным исключением является находка из Баяновского могильника в Верхнем Прикамье, которая явно не относится к изделиям местного производства (*Данич А. В., Крыласова Н. Б.* Новый пояс «византийского круга» из средневекового Баяновского могильника в Пермском крае // *Археология, этнография и антропология Евразии.* № 3 (59). Новосибирск, 2014. С. 87–94).

⁹³ См.: *Голдина Е. В., Голдина Р. Д.* «Дальний импорт» ... С. 171, рис. 28; 29: 1–4; 30. Вряд ли такие собранные из «того, что было» пояса следует выделять, как это предлагает А. В. Комар, в «местные прикамские версии раннесалтовских наборов» (*Комар А. В.* К дискуссии ... С. 184).

⁹⁴ *Комар А. В.* Происхождение поясных наборов ... С. 111–112, рис. 4.

⁹⁵ *Иванов А. А., Копылов В. П., Науменко С. А.* Поясные наборы ... С. 81–90; *Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Праболгары ... Рис. 15: 2, 6.

одинаковыми «прямоугольнорамчатыми» пряжками из «жертвенного комплекса» кургана 7 Новинковского I могильника на Самарской Луке и погребения Бродовского могильника в бассейне Сылвы. Если в первом случае представлены выдержанные в едином стиле детали «раннесалтовской» гарнитуры, то во втором – на местах утраченных «хазарских» накладок появились изделия местного и «катандинского» типов (рис. 6: 1, 2).

Все эти факты говорят в пользу гипотезы, согласно которой основное место изготовления восточноевропейских поясов с растительным декором находилось не в Приуралье⁹⁶, а в Крыму.

К сожалению, отсутствие ясности в обстоятельствах находки пряжки из Любытина, а также её уникальность для Приильменья, не позволяют однозначно ответить на вопрос о том, с чем связано появление этого атерфакта так далеко к северу от основного ареала распространения «раннесалтовской» поясной гарнитуры.

Среднее течение р. Мста в районе современного пос. Любытино является местом одного из крупнейших на Северо-Западе России скопления раннесредневековых археологических памятников⁹⁷. Здесь известно несколько курганных могильников, состоящих из насыпей разных форм и размеров, грунтовые захоронения и селища, относимых учеными к культуре псковско-новгородских длинных курганов, а также свыше сотни монументальных насыпей, два городища и неукрепленные поселения культуры сопки. Считается, что подобная концентрация памятников связана с формированием здесь в конце I тыс. н. э. локального социально-политического образования – соперника Новгорода, которое было ликвидировано в ходе похода на Мсту княгини Ольги.

Рассматриваемая нами пряжка ранее была причислена к инвентарю погребений, совершенных в сопочных насыпях⁹⁸. Однако это не подтверждается имеющейся информацией о находке. По крайней мере, известно, что щиток встречен при раскопках кургана. Происхождению пряжки из сопки противоречит и современным представлениям о хронологии этого типа погребальных памятников, по которым захоронения по обряду кремации совершались в них во второй половине IX – начале / первой половине XI в.⁹⁹ К VIII в. достоверно относится лишь погреб-

⁹⁶ Против локализации производства в Приуралье свидетельствует и синхронное, если не более раннее, появление поясной гарнитуры, украшенной схожими растительными мотивами, на Балканах и в Паннонии.

⁹⁷ *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* К вопросу ... С. 29–54; *Носов Е. Н., Конецкий В. Я., Иванов А. Ю.* Комплекс ... С. 5–66.

⁹⁸ Там же. С. 25.

⁹⁹ *Кузьмин С. Л.* Культура сопок в Верхнем Поплюсье // *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 2.* Новгород, 1989. С. 39; *Кузьмин С. Л.* Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX века // *Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей.* СПб., 1999. С. 97–99; *Кузьмин С. Л.* Оредежские соп-

бение в основании одной из насыпей в урочище Победище (№ 140, по Н. Н. Бранденбургу, 14–II, по В. П. Петренко) у Старой Ладogi, содержащее детали «неволинской» поясной гарнитуры¹⁰⁰. Однако, по мнению С. Л. Кузьмина, данный комплекс связан не с сопкой, а с более ранним плоским курганом, находившемся в её основании¹⁰¹. Так что, скорее всего, пряжка происходит из трупосожжения, помещенного в погребальную насыпь культуры псковско-новгородских длинных курганов. В VIII в., к которому относится «раннесалтовская» находка, эта культура переживает кризис, её территория существенно сокращается. В окрестностях п. Любытино «длиннокурганные» памятники этого времени пока неизвестны. Ближайшие могильники с захоронениями, датированными восьмым столетием, расположены выше по течению Мсты, в районе оз. Крюково¹⁰².

По-видимому, прав К. А. Михайлов, связавший находку детали «раннесалтовской» гарнитуры в Среднем Помостье с балтийско-волжской транзитной торговлей¹⁰³.

Археологические материалы, полученные при раскопках Земляного городища Старой Ладogi, свидетельствуют о довольно хорошо налаженных связях населения Нижнего Поволжья с народами Юго-Восточной Европы уже в последних десятилетиях VIII в. В отложениях среднего слоя («черный гумус») горизонта Ез, относящихся по данным дендрохронологии к 770–790-м гг.¹⁰⁴, зафиксировано массовое выпадение

ки // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб., 2010. С. 131.

¹⁰⁰ Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994. С. 77, 88, 126, рис. 39: 3–5, 13–15.

¹⁰¹ Кузьмин С. Л. Сопки ... С. 97. Курганы «предшествующей эпохи», лежащие в основании ряда высоких многоярусных насыпей, известны также в соседних с Приильменем регионах (Михайлова Е. Р. Насыпь у деревни Репьи: место среди погребальных памятников Северо-Запада конца I тыс. н. э. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: материалы 58-го заседания, 17–19 апреля 2012 г.. М.: Псков, 2013. С. 336–345).

¹⁰² Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken, 2014. С. 213–215.

К VIII в., по-видимому, относится второй этап существования комплекса памятников культуры длинных курганов на оз. Съезжее, находящемся в 43 км восточнее Любытино (Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) [Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей, вып. 17]. М., 2016. С. 366–369).

¹⁰³ Михайлов К. А. Находки ... С. 70–71.

¹⁰⁴ Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. М., 1988. № 1. С. 98; Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М., 1996. С. 113.

Следует отметить, что наиболее ранняя постройка ЗБ этого микрогоризонта возведена после 772 г. (Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия ... С. 82). В работе Н. Б. Черных, опубликованной в 1989 г., основанной на меньшем количестве изученных

ние стеклянных бус, среди которых представлены наиболее ранние находки синих лунниц – тип украшений, характерный для салтово-маяцкой культуры¹⁰⁵. «С искусством кочевнических племен Юго-Восточной Европы» связывается и найденный в том же слое обломок железного инструмента с деревянной рукоятью, украшенный геометрическим орнаментом и изображениями бегущих животных¹⁰⁶. «Не позднее рубежа третьей-четвертой четверти VIII в.» в Нижнее Поволжье начали поступать по Волжскому пути шаровидные гладкие сердоликовые бусы¹⁰⁷. К 780-м гг. относится появление на поселении мастерской, в которой по восточной технологии на привозном сырье изготавливались стеклянные бусы¹⁰⁸. Материалы среднего микрогоризонта E₃ показывают также начало активного поступления в Нижнее Поволжье арабского серебра: три монеты, из которых определены две полудрахмы, отчеканенные в Табаристане¹⁰⁹ в 768 и 783 гг., связаны с постройками, возведенными «на рубеже 60–70-х годов VIII в.» и «около 790 г.» соответственно. Эти находки синхронны выпадению у Старой Ладоги древнейшего русского клада куфических монет 786 г.¹¹⁰

Таким образом, в последней четверти VIII в. наблюдается начало регулярного товарообмена по речным артериям, соединяющим балтийский регион со странами Востока. Его постепенное становление, очевидно, происходило в предшествующие десятилетия. Об этом говорит омайядский дирхем 699/700 г., который найден в древнейших, датированных 750-ми – 760-ми гг., отложениях Старой Ладоги¹¹¹. Видимо, к это-

образцов из древнейших отложений, слой «черного гумуса» датирован началом 80-х годов VIII в. – серединой первого десятилетия IX в. (*Черных Н. Б.* Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данным дендрохронологического анализа // *Естественнонаучные методы в археологии.* М., 1989. С. 212).

¹⁰⁵ *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на земляном городище 1972–1975 гг.) // *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования.* Л., 1985. С. 69.

¹⁰⁶ *Рябинин Е. А., Сениченкова Т. Б.* «Хазарский след» в древнейшей Ладоге // *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран,* т. II. М., 2010. С. 226–233.

¹⁰⁷ *Рябинин Е. А.* Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // *Ладога и Северная Русь: материалы к чтению, посвященным памяти Анны Мачинской.* СПб., 1995. С. 57–58.

¹⁰⁸ *Рябинин Е. А.* Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе (по материалам исследований в Ладоге VIII–IX вв.) // *Дивинец Староладожский: междисциплинарные исследования.* СПб., 1997. С. 46–48.

¹⁰⁹ Провинция, расположенная на южном побережье Каспийского моря.

¹¹⁰ *Рябинин Е. А.* Новые открытия ... С. 51; *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия ... С. 80–82; *Черных Н. Б.* Хронология ... С. 208; *Киртичников А. Н.* Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // *Древняя Русь: новые исследования (Славяно-русские древности, вып. 2).* СПб., 1995. С. 37, 39.

¹¹¹ *Киртичников А. Н.* Ладога... С. 40.

му периоду – третьей четверти VIII в. – следует отнести появление на Севере и описанной пряжки «византийского круга» из Любытино. Кроме неё, к предметам, маркирующим освоение северной части Волжского пути, можно причислить четыре неорнаментированные поясные накладки – две серповидные и две прорезные, прямоугольной формы, ближайшие аналогии которым представлены в «восточнотюркской» гарнитуре Прикамья (рис. 6: 3–9). Три детали найдены в одном из комплексов поселения Прость¹¹², расположенном у истоков Волхова, а одна серповидная бляшка происходит из сопки близ д. Ванино в бассейне р. Великая¹¹³. Не исключено, что этим временем датируется и формочка для отливки сердцевидных бляшек с селища на оз. Съезжес¹¹⁴.

Имеющиеся на данный момент материалы не позволяют однозначно ответить на многие вопросы, связанные с зарождением Волжского пути, в том числе о роли финно-угорских народов Приуралья в этом процессе и наличии прямых контактов Поволховьем и Хазарским каганатом ранее последней четверти VIII в. Надеюсь, дальнейшие исследования и новые находки предоставят такую возможность.

¹¹² *Плохов А. В.* Древности восьмого века у истока Волхова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 3. СПб., 2008. С. 156, 161, рис. 1: 10–12.

¹¹³ *Харлашов Б. Н.* Сопка близ деревни Ванино // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: сборник статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб., 1994. С. 246, рис. 5: 7.

¹¹⁴ *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение ... С. 362–363, 366, рис. 17: 5.